

это, как смешны разговоры о величии чего-нибудь человеческого или даже самого человека. Из тех существ, которых мы знаем, да — человек выше других, но как вниз от человека — бесконечно низших существ, которых мы отчасти знаем, так и вверх должна быть бесконечность высших существ, которых мы не знаем, потому что не можем знать. И тут-то при таком положении человека говорить о каком-нибудь величии в нем — смешно».⁴

Антропокосмическое мироощущение не умаляет человека, но воспринимает его как часть безмерного мироздания. Будучи универсальным по своей природе, антропокосмизм определяет в художественном произведении очень многое — и его «содержательный», и его «формальный» аспект, его макро- и его микроструктуру. Антропокосмическое мироощущение наиболее полно воплотилось в творчестве Бунина. Но путь к нему был проложен Толстым. Поэтому те грани художественного мира Бунина, которые сопряжены с особенностями этого мироощущения, естественно рассматривать и в связи с Толстым, не упуская из виду и существенную разницу между ними.

Для художников антропокосмического миропонимания проблема и трагедия человека в том, что бытие человека и бытие природы у них постоянно соотносятся, но так, что они одновременно и сопряжены, и обладают определенной суверенностью. Иными словами, и человек не абсолютный центр Вселенной, и природа не поглощает человека полностью.

Сложность проблемы и острота трагедии у художников этого типа определяются двойственностью положения человека в природе. С одной стороны, «нет никакой отдельной от нас природы» (6, 214) (Бунин): и человек входит в природу как ее часть, и природа входит в человека, составляя его «внутреннее мировое пространство» (выражение Р.-М. Рильке). С другой стороны, личность отграничена пространством и временем, и бессмертный лик природы составляет тот фон, на котором неизбежность собственной смерти выступает особенно мучительно. Действительно, если бы Толстой и Бунин были последовательными космистами буддийского толка, их так бы не мучила неизбежность индивидуального конца. На Востоке нет идеи сотворения мира, нет поэтому и эсхатологических концепций. Я так же неуничтожаемо, как и все сущее. «В мышлении европейцев, — замечает японский мыслитель, — смерть зачастую является синонимом преступления и разрушения. Происходит это оттого, что умами европейцев владеют идеи индивидуализма, ставящего в основу всех явлений собственное „я“. Все люди смертны. Все сотворенное на земле ни одного мгновения не стоит неподвижно. Все живое подвержено непреложному закону уничтожения. Никто от него не убежит и не спрячется».⁵ Восточный автор не обеспокоен и смертностью человека, и конечностью мгновения. «Умирая, живешь», — говорят японцы. «Живя, умираешь», — мог бы сказать Бунин.

Но если бы у Бунина, как и у Толстого, была антропоцентрическая ориентация, он не соотносил бы свою жизнь с бытием природы и не страдал бы так от этого контраста. Характерен в этой связи спор Бунина с З. Гиппиус, который записала В. Н. Муромцева (август—сентябрь 1921 года): «Ян доказывал, что у Толстого такие же глубины, как у Достоевского, и что он тоже всего касался... Ян говорил, что Толстой всегда думал о смерти, а Достоевский нигде не писал про нее».⁶ Не касаясь существа спора, заметим, что для Бунина именно Достоевский с его православным мироощущением составляет

⁴ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1934. Т. 58. С. 113. Далее ссылки в тексте.

⁵ Томамацу Энтай. Воззрения японцев на смерть // Григорьев М. П. Лик Японии. Переводы и эссе. М.: Ин-т буддизма, 1997. С. 255, 260—261.

⁶ Даугава. 1980. № 10. С. 121—122.